

В «Ленком» я попала с Этушем и обнаженной грудью

История Амалии Мордвиновой напоминает рождественские сказки. Только-только рыженькая девочка приехала в Москву из Вологды, Шукшинское училище окончить не успела, и тут! Карен Шахназаров приглашает ее в «Сны» на роль графини, Марк Захаров зовет в «Ленком». Критики, посмотрев «Королевские игры», расточают комплименты. А почему бы и нет? Юная актриса хороша собой, прекрасно сложена, талантлива, поет и танцует замечательно. В общем, загляденье. Жалко только, что Генрих Восьмой (в исполнении Александра Лазарева-младшего) в конце пьесы взял и отрубил героине голову. Очаровательная была голова, что тут и говорить...

А в жизни Амалия разговорчива, остроумна, весела. Замужем. Любит поесть, собирает гостей. Только в новогоднюю ночь за праздничным столом долго посидеть не удалось - первого января в «Ленкоме» снова - «Королевские игры».

- Когда девочки мечтают стать актрисами, они представляют себе примерно вашу историю - двадцать два года, главная роль в «Снах» Шахназарова. Все - сразу, все - легко?

- Все не так легко, но мне представился случай. Говорят, что я не без актерских способностей, но у меня - масса одноклассников, может быть, более талантливых... Пока же их судьба складывается по-другому.

- Какой же случай помог попасть вам в «Ленком»?

- В первый раз я пришла туда на шестидесятилетие Марка Захарова. Со своим педагогом Владимиром Этушем и с обнаженной грудью. Дело в том, что в «Фигаро» есть такой персонаж - Марсельеза. Она в конце выезжает на пушке и размахивает флагом. В стиле «Свободы на баррикадах» Делакруа. И вот Владимир Абрамович придумал капустник на эту тему. Смешной был текст, да и бюст, наверное, был - обхохочешься. А потом мне передали записку, чтобы я пришла в режиссерскую часть «Ленкома». Я тогда училась на третьем курсе Шукшинского. Вообразить себе могла, что угодно, но только не главную роль. В институте потом ничего не сказала - молчала как рыба.

- Почему? Из суеверия?

- Да, наверное. И правильно делала - сейчас я уже начинаю понимать, что друзей у меня много, но много и завистников. Со многими людьми я боюсь теперь, после премьеры «Королевских игр», встречаться. Телефонные разговоры становятся странными. Неприятно слышать фразы типа «Ну ты у нас теперь крутая». Долго ходила запуганная - с кем-нибудь не поздоровалась случайно, и скажут, что загордилась.

- А не загордилась?

- Не получается. Каждый спектакль проходит на таком разном уровне... Иногда думаешь: мама дорогая, как мастеру в глаза смотреть?! А мастер строгий.

- Тиран и сумасброд?

Нет, не тиран. Но такая сильная личность! Рядом с ним находишься и понимаешь, что пространство, которое занимает твоё тело, - оно твоё. А все остальное пространство уже его.

- А как Шахназаров вас нашел?

- Мне тогда очень было плохо - и в личной жизни, и в училище ничего не получалось. Пришла в кассу за стипендией, меня увидела ассистент другого режиссера и привела на картину «Дорога в рай». Роль у меня была маленькая, я

играла джазовую певицу, но в коридоре меня встретила ассистентка Шахназарова. Я шла уже загримированная, в платье 57-го года, и она просто впикнула меня в дверной проем и говорит: «Карен Георгиевич, смотрите, какая девочка!» «Ну, сфотографируйте», - сказал флегматичный Карен Георгиевич. Вот и сфотографировали...

- И в «Снах», и в «Королевских играх» есть эпизоды с раздеванием...

- И не только там. Вот недавно был фильм по Булгакову - «Роковые яйца». Я там играю Геллу. Роль маленькая, но с «обнаженной». В общем, где-нибудь, да бюст и мелькнет.

- Как же это получается-то?

- Да пусть будет, лишь бы по теме. Я молода, стараюсь лишних конфеток не есть. Ничего страшного тут нет. А вот в кино было дело - голая и при минусовой температуре на улице. Холодно и плохо.

- А на сцене не холодно?

- Что вы, на сцене жарко.

Платье в момент раздевания просто отклеивается. Ткань - парашютный шелк, так что в Африку в таких костюмах на гастроли не поедешь. А с раздеванием смешная накладка случилась - на одном из спектаклей сорвалась нога, и я чуть не рухнула. Должна была залезать на помост, поскользнулась и не успела схватиться за Сашину руку. Каким-то чудом на помост все-таки взползла, но, представляете, как бы было смешно - голая и завалилась бы на сцене? А к тому, что в «Королевских играх» придется раздеваться, я сразу была готова. Потому что Марк Анатольевич при первой же встрече спросил, не кривые ли у меня ноги. Я тогда очень расстроилась. Кстати, еще в Шукшинское когда поступала, вопрос о ногах тоже возник. Я была в длинной юбке, и меня попросили юбку поднять - тогда комиссия подозревала, что ноги мои короткие. И подняла! Вот было первое обнажение.

- А в училище поступать было легко?

- Честно говоря, я приехала из Вологды в Москву, совершенно не желая быть актрисой. Все как-то склонялось к медицине или психологии. Потом вдруг взбрело в голову поступать на режиссерский. Ну кем я могла стать в семнадцать? Конечно, режиссером! Выбрала мастерскую Голубовского - наверное, потому что к метро ближе. И как вошла туда, так и вышла. Мне сказали: а иди-ка ты, девочка, на актерский. И пошла. Поступила, позвонила маме. Мама, говорю, только не плачь: актерский. Она отвечает: ладно, колбасы привези.

- Имя у вас редкое - Амалия. В честь кого назвали?

- У мамы была подруга - Амалия. А дома меня звали Лялей.

- Что Ляле в себе не нравилось?

- Во-первых, я обжора. И если начинаю есть, то остановиться не могу. Во-вторых, я еще понять не могу, кто же я такая. Нет имиджа. Недавно меня пригласили на Нику - приз вручать, и я с ужасом поняла - еще не знаю, как одеться, как держаться.

- До вашего прихода в «Ленком» все было слишком предсказуемо - если Аркадина, значит, Чурикова. Если Нина Заречная, так, разумеется, Александр Захаров. Теперь прежней ясности уже нет. Как отношения складываются с «примами»? Есть ли какая-то неприязнь?

- Мне кажется, что мы не конкурентки, мы слишком разные. И я надеюсь, что все будет хорошо и что наши дорожки будут расходиться в том, что касается ролей.

- В «Снах» вы были графиней, в «Играх» - королевой. По титулам расти уже некуда...

- Ну можно остановиться и на королевах - монархов в мировой драматургии много.

Валентина ЛЬВОВА.

фото Вячеслава ПОМИГАЛОВА